

Перелистывая страницы памяти

Если бы членам Царской Семьи довелось умереть естественной смертью, а также сохранить своё высокое положение, вероятно, многие говорили и писали бы о Них прекрасно и величественно. Насколько мне удалось выяснить, Они были зверски убиты в Екатеринбурге. После смерти Царской Семьи, в газетах не было даже значительных по содержанию некрологов.

Часто Государя или Его супругу считают лично виновными в революции, не учитывая гораздо более глубоких причин, которые существовали и имели свое начало с ранних времён Российской истории.

Но, как уже упоминала, революционный переворот, видимо, был уже в принципе решён. Удобный случай к этому представился, когда мнения правительства и народа пересеклись. Для предлога осуществления революции, требовалось лишь взорвать краеугольный камень Российского Государственного Сооружения: самого Государя! Но: даже если у Государя и не было данных блестящего и непревзойдённого правителя, враждебное нападение на Него из-за этого не произошло бы. Искался и нашёлся другой объект нападков – мужик из Тобольской провинции, Григорий Ефимович Распутин.

Отношения членов Царской Семьи между собой были, как может быть, самыми наилучшими. В те годы, что жила среди Них, не слышала даже одного раза плохого слова в обращении. Случалось, иногда, Государь вскрикнет: «Анастасия!» или «Алексей!» повелительнее более чем обычно и слегка ударяя пальцем о стол, когда дети были слишком шаловливые. Никто не мог от всего сердца так рассмешить Государя, как Анастасия, у которой была привычка с серьёзным, как на похоронах, выражением лица рассказывать своему папе весёлые истории. Государь, однако же, больше всех любил Татьяну, которая необычайно напоминала свою мать. Мне казалось иногда, что и Государыня любила её больше, чем других, хотя и пыталась обращаться со всеми своими детьми совершенно одинаково.

Александра хотела быть властительницей детской комнаты. Будучи здоровой или больной, Она имела обыкновение, прежде чем идти спать, хотя могло быть уже за полночь, пойти в детскую, чтобы благословить своих спящих детей. Государыня поднималась на лифте наверх и просила слугу толкать кресло-коляску с Нею вдоль коридора, в комнаты Алексея. С Алексеем Она читая вечерние молитвы молилась, прежде чем укрыть сына в постели.

Помню вечер, когда я вместе с Государыней пошли посмотреть только что меблированные комнаты Алексея Николаевича. Маленький властелин большой комнаты уже заснул на своей большой кровати. Один угол комнаты был украшен многочисленными иконами. Верный пёс Рой спал на ковре возле

кровати своего господина. На кровати рядом с дверью спали по очереди матрос Деревенько и няня Нагорная. Государь и Государыня в разговоре между собой о сыне называли Алексея «Солнечным Лучиком».

Государь очень любил Государыню, но видел Её в течение дня мало. Выражение лица Государя всегда становилось радостным и нежным, когда Он входил в комнату Государыни перед утренней или вечерней прогулкой. Знаю, правда, что родственники неоднократно затевали интриги и пытались развести счастливых супругов и заставить Государя полюбить какую-нибудь молодую красавицу из тех, которых они для соблазна доставляли Ему. Полагали, что Государыня имела неблагоприятное воздействие на своего супруга и поэтому пытались испортить Их отношения.

Так, один раз в Крыму, некий кузен Государя, на организованном там празднике, познакомил Его с восхитительной девушкой-англичанкой. Той осенью в Ялте повсюду играли в лото и было принято покупать небольшие сувениры выигравшему. Государь отдавал свой выигрыш всегда той девушке, а также и другими способами выражал своё восхищение ею. Однажды, во время празднования династии Романовых, пила чай с Государыней в Зимнем Дворце Петербурга. Государь ушел на чай к своему кузену; мы ждали Его, но Он пришёл очень поздно. Сияя глазами, Он говорил также о пребывании там молодой девушки-англичанки и добавил затем с улыбкой, что кузен деликатно оставил их вдвоём.

Часто также приглашались артистки на полковые товарищеские обеды, на которых присутствовал и Государь. Особенно в последнее время, в Главном штабе Могилёва, Государю пытались организованно устраивать случаи встречаться с этими женщинами.

Об этом говорилось совершенно открыто, я даже помню, как один раз слышала разговор двух господ из общества Государя о замысле, которым они могли бы соблазнить Государя в неверность. Но Государь был с твердым характером и не поддался хитроумным интригам. Также во Дворце были женщины, которые пытались навязываться Государю своей компанией. Если бы в письмах Государыни, которые были опубликованы после революции, не говорилось бы и обо мне слегка с горьким оттенком, в этой связи я не говорила бы о моих неприятных переживаниях, относящихся в целом к этому делу.

Себя не защищаю, далека от этого; была молодая, миловидная и отсюда заносчивая. Государь чувствовал себя хорошо в моём обществе, с удовольствием совершал со мною прогулки и играл со мною в теннис. Естественно, благосклонное внимание Государя льстило мне. Но я всегда оставалась верной Государыне, никогда не забывая, что Она доверяет мне. Вначале Государю совершенно не нравилось то, что я часто бывала у Государыни – Он хотел быть единственным ее близким другом. Но позднее Он

был прямо-таки сердитым, если у меня не было возможности прийти, особенно тогда, когда Государыня была почти всегда больна и нуждалась в препровождении времени. Я могла развлечь также Государя после забот продолжительного рабочего дня, рассказывая Ему всевозможные забавные истории. Государыня называла меня большим ребёнком, тогда как Государь дал мне в шутку ласкательное имя «Суламит».

Я никогда не уставала лазать с Государем по горам или играть вместе с Ним в теннис. Когда мы играли, то точно знала, какие мячи подать Ему, так как в игре Он был, словно избалованный ребёнок, прекращал игру, не доводя ее до конца, если не было возможности выиграть.

Игра в карты, даже маломальская, не интересовала Государя. Согласно Его собственным словам, у Него в голове отсутствовал «винтик», который мог бы дать Ему знать, какой картой надо сыграть. Государыня с удовольствием играла «бёзине» и пыталась и меня научить играть, но, видимо и у меня отсутствовал тот самый «винтик», как и у Государя, так как и я, никогда не проявляла интереса к карточным играм.

Государь с удовольствием играл в домино два на два с офицерами «Штандарта». Иногда зимой Он приходил с Государыней в мой небольшой домик. Тогда мы также приглашали в гости тех офицеров «Штандарта», с которыми Государь с удовольствием играл в домино.

Государыня, дети, а также незнакомые люди передавали Государю на память фотографии, отражающие события, на которых Он присутствовал. Как-то Он получил в подарок от Государыни фотоальбом. Я была единственная, которая получила разрешение помогать Ему в наклеивании фотографий в альбом. Государь был крайне аккуратным, клей не должен был оставить пятен на альбоме или фотографиях.

Когда Алексей не мог ходить, Государь обычно носил Его на руке. Когда маленький Алексей в Спале был серьёзно болен, я первый раз видела плачущего Государя. Маленький Великий Князь кричал от болей, Государь, в конце концов, не выдержал и выбежал из комнаты. Я пошла вслед за Государем и увидела Его плачущим, уткнув лицо в руки, за рабочим столом в своём рабочем кабинете.

Вся Императорская Семья любила сестру Николая, Ольгу. Она не была красивой, но доброжелательной и радушной. Она была преданным другом дочерей брата и иногда устраивала в их честь торжества, на которые приглашались также офицеры яхт и гвардии. Один раз я была с девочками на торжествах Великой Княгини Ольги в Петергофе. Игры в саду казались мне, всё же, настолько безудержными по своей весёлости и бурности, что я боялась в другой раз взять на свои плечи ответственность.

Из своих дядей Государь больше любил Великого Князя Алексея Александровича. С его братом, Великим Князем Михаилом Александровичем, Государь прервал отношения, так как не мог простить ему брака с графиней Брасовой, заключённого вопреки данному обещанию. Вообще, Государь был в дружеских отношениях со своими родственниками, кроме двоюродного брата Александра Михайловича. Государь лично говорил, что Он не смог пожать его протянутую руку, когда Великий Князь со своей матерью приехал в Могилёв после отрешения Государя от власти.

Также и у Государыни любила своих родственников. Особенно близок Ей был её брат Эрнест, Великий Князь Гессен-Дармштадский, который часто со своей супругой и двумя маленькими сыновьями приезжал приветствовать Их Величества в Ливадию. Невестка Государыни была тихой, не особо красивой, но брак был очень счастливым. Великий Князь был очень музыкальным и вообще очень одарённым. У него было обыкновение компоновать своей супруге костюмы и украшения.

У Государыни было три сестры: мудрая принцесса Баттенбергская Виктория, безропотная и доброжелательная принцесса Пруссии Ирен и живущая в России, Великая Княгиня Елизавета. Различные мнения о Месье Филиппе и о Распутине, повлияли на охлаждение отношений между Государыней и Елизаветой. Особой любимицей Государыни была вторая по старшинству дочь Её старшей сестры, принцесса Луиза, которая в настоящее время замужем за Шведским Наследным Принцем. Из сестёр она была самая радушная и бескорыстная. Другой дочерью сестры, греческой принцессой Алисой, Государыня восхищалась её редкостной красотой.

Государыня всегда почитала и любила свою бабушку, Королеву Викторину, у которой Она жила, еще девочкой. Будучи помолвлены, молодая пара Николай и Александра были в гостях у Королевы Викторини в Осборне. По рассказам Государыни, бабушка великолепно приняла Их и сверх меры баловала.

При Русском Дворе предлагалось много маленьких, деликатесных блюд, рецепт которых был взят из Английского Двора, как, к примеру, некие дивные сливочные вафли, которые Государыня часто приносила мне, когда я находилась в больнице.

Воспоминания о последних днях, проведённых в Царском Селе, тяжёлые. Государь вернулся из Могилёва после своего отрешения от Престола. Обыкновенно, по вечерам, Их Величества приходили проведать меня в мою комнату, в которой была изолирована, заболев корью. Государь подвозил Государыню на кресле к краю моей кровати, и мы час проводили в нашем обществе.

В эти вечера я видела слёзы на глазах Государя, когда Он рассказывал о предательстве Великих Князей, генералов, полков и своих слуг и о том, как Его вынудили, под угрозой убийства Семьи, отречься от престола. «Государыне никто не причинит вреда, не перешагнув, вначале, через мой труп», - ответил Государь на угрозу.

Я обратила внимание на возможность уехать за границу, но Государь сказал, что Он никогда не покинет свою Родину. Он был готов жить простой жизнью крестьянина и зарабатывать свой хлеб физическим трудом, но Россию Он не покинул бы. Тоже утверждали Государыня и Дети. Они надеялись, что смогут жить скромными землевладельцами в Крыму.

По утрам Государыня сжигала в камине Ею сохраненные письма, которых было много, так как у Неё была обширная переписка. К сожалению, Государь не согласился уничтожить полученные от своей Супруги письма, а взял их с собою в Сибирь. Большевики конфисковали письма и опубликовали их. Как-то однажды утром, Государыня пришла ко мне и спросила, где все письма, которые Она мне написала. Я показала на три кожаные коробочки, где хранила их. Государыня сожгла письма у меня на виду.

Тяжело писать о тех днях.

«Только бы нас не разлучили», - воскликнула Государыня в моем присутствии офицеру Коцебу, которого Временное Правительство назначило в качестве охранника Их Величеств. Офицер принадлежал к Их Величества Уланскому полку. Очевидно, его посчитали слишком мягким по отношению к Царской Семье, так как его отстранили и задание передали другому. Всё время Семья старалась вести себя с достоинством и героически среди козней и несправедливости – не жалуясь и не упрекая.

В одну из ночей, перед тем как Государю возвратится из Могилёва, Государыня с Великой Княжной Марией пошли в Сводный полк, который был личной Лейб-гвардией Их Величеств. Полк собирался покинуть Государя и Государыню, чтобы присягнуть в верности Временному Правительству. Государыня разговаривала с солдатами не так, как Правительница с подчинёнными, а как Мать со своими заблудившимися детьми и просила их защитить Семью Государя от насилия дебоширующей толпы.

Через шесть дней нас разлучили друг с другом. Керенский арестовал меня. Меня отправили в Петропавловскую крепость.

Письма, которые я получала из Сибири, ясно говорят, как мужественно и героически Их Величества несли свою ужасную участь. Мою первую посылку и моё письмо отвезла некая девочка, которая была родом из Покровского, родного села Г. Распутина. Она училась в Петербурге и возвращалась домой. Отец девочки отвёз посылку дальше, в Тобольск и отдал её мужчине, который ежедневно ходил отапливать губернаторский дом, где жили Их Величества.

Печник передавал в обратную сторону письма от Государыни. С целью предосторожности, Государыня меняла почёрк и адресовала письма на другого человека. Также и позднее мне удалось отправить Государыне, как посылки, так и письма через двух офицеров.

Помню последний день в Царском Селе. Все Дворцовые лестницы и коридоры были заполнены революционными солдатами. Дети больные корью, лежали в большой детской комнате. Государь, смирившийся со своей участью, ходил по парковой аллее в окружении солдат. Государыня с очень утомлённым видом, в белом докторском переднике, стояла, следя из окна за уходом последних преданных полков: Морской гвардии, офицеров «Штандарта», полка Личной охраны и других, которые уходили в Думу, чтобы присягнуть в верности Временному Правительству.

Также и я заболела корью. 21-го марта 1917 года, по новому стилю 3-го апреля, меня арестовали. Напрасно молила и упрашивала, что хотя бы одним мгновением могла проститься с Их Величествами. В конце концов, я всё-таки смогла увидеть Государыню и Великих Княжон.

Я видела Государыню в последний раз – верный Волков, Дворцовый комендант, вёз Её на кресле. Татьяна шла позади. Все мы плакали, у нас было время только на продолжительное объятие и в то же время на обмен своими кольцами. Последнее, что помню из того момента расставания, это была белая, указывающая на Небеса рука Государыни и Её голос, которым Она сказала на прощание: «На Небесах будем вместе!».

«Анна Вырубова - фрейлина Государыни». Под редакцией Ирмели Вихерьюри. Отава. 1987.

Перевод с финского Людмилы Хухтиниemi.